

Глава 37

Лю Лю теряет самообладание

Голова Те Хэнцю уже почти коснулась земли, и он инстинктивно зажмурился.

Но ожидаемой боли и унижения не последовало. Он упал в объятия, пахнущие холодом и ароматом.

Он инстинктивно хотел оттолкнуть спасителя.

— Я весь в грязи и крови, как я смею...

Не договорив, он поднял голову, и его взгляд застыл.

Он хотел сказать: «...как я смею пачкать одежды Юэ-цзуня», но, подняв голову, с удивлением увидел, что перед ним... не Юэ Бочжи.

Не только Те Хэнцю, но и стоявший напротив Лю Лю, ещё не видя спасителя, а лишь почувствовав его ауру меча, был уверен, что это Юэ Бочжи.

Кто ещё в этом мире мог обладать такой аурой?

Но оказалось, что Те Хэнцю поддерживал человек в синем одеянии, с холодным выражением лица — это был Мин Чунь.

Те Хэнцю широко раскрыл глаза.

— Мин Чунь... брат Мин Чунь?

Лю Лю был потрясён ещё больше. «Даже у слуги Юэ Бочжи такая аура меча? Что же за чудовище тогда сам Юэ Бочжи!»

Мин Чунь, как всегда, был непроницаем, по его лицу нельзя было прочесть никаких эмоций.

Он опустил взгляд на Те Хэнцю, его голос был тихим и равнодушным.

— Ноги ещё держат?

Те Хэнцю поспешно сложил руки.

— Да, да...

— Тогда почему ты до сих пор на мне висишь? Я что, клеём намазан? — холодно спросил Мин Чунь.

Те Хэнцю поспешно выпрямился и, опустив глаза, молча подумал: «...Отлично, это его обычный язвительный тон».

Вот только...

Те Хэнцю незаметно бросил взгляд на Мин Чуня.

Издали это было не так заметно, но только что, находясь так близко, он отчётливо почувствовал тот уникальный холодный аромат, присущий только Юэ Бочжи.

Он помнил этот запах сто лет и ни с чем бы его не спутал.

В этот момент раненая Алая птица, словно уставший птенец, вернувшийся в гнездо, бросилась в объятия Мин Чуня.

— Глупая птица, — холодно произнёс Мин Чунь.

«...Чирик, даже твоя мама... твоя мама никогда меня так не ругала... чирик», — подумала Алая птица.

Те Хэнцю, наблюдая за Мин Чунем и Алой птицей, вдруг почувствовал укол догадки.

Почему Мин Чунь и Тан Сюэ всегда исчезают и появляются из ниоткуда?

Почему от Мин Чуня пахнет так же, как от Юэ Бочжи?

Почему у Мин Чуня такая же аура меча, как у Юэ Бочжи...

Неужели Мин Чунь и есть...

Зрачки Те Хэнцю резко сузились, а сердце забилося, как барабан.

Сглотнув, он принял решение и решил его проверить.

Он поспешно спрятался за спину Мин Чуня и, изобразив на лице жалость, сказал:

— Этот Лю Лю без всякой причины напал на меня, да ещё и сказал, что «Раскрытие бутонов зимней сливы — и только», явно не уважая Юэ-цзуня.

Услышав это, Мин Чунь никак не отреагировал, а вот Лю Лю не выдержал и рассмеялся.

Он сложил руки перед Мин Чунем и сказал:

— Я вовсе не это имел в виду. Просто приём «Раскрытие бутонов зимней сливы» в исполнении Те Хэнцю был лишь жалкой пародией, позорящей искусство меча Юэ-цзуня. Раз уж я считаю Юэ-цзуня почётным гостем, как я могу его не уважать?

Те Хэнцю тут же встрял:

— Если бы ты действительно считал его почётным гостем, то не избивал бы меня и Алую птицу. Как говорится, «кто бьёт собаку, тот не уважает хозяина». Так что, ранив нас, ты проявил неуважение к Юэ-цзуню.

Мин Чунь молчал, его ресницы были опущены, а пальцы скользили по окровавленным перьям Алой птицы.

Раньше Те Хэнцю не замечал, но теперь, видя, как Мин Чунь гладит Алую птицу, он понял, что тот вылитый Юэ Бочжи.

Те Хэнцю был на восемьдесят процентов уверен, что Мин Чунь — это либо сам Юэ Бочжи, либо его воплощение. Поэтому, видя, как тот нежно гладит раненую Алую птицу и даже не смотрит на него, он почувствовал укол ревности.

«Перед „почтенным Юэ Бочжи“ я не смею вольничать, — подумал Те Хэнцю, — но перед „братом Мин Чунем“ — совсем другое дело».

Те Хэнцю шагнул вперёд и, намеренно понизив голос и подняв голову, жалобно произнёс:

— Братец Мин Чунь, посмотри на мою шею, он же её чуть не сломал! Если бы ты не подоспел вовремя, я бы уже был мёртв!

Мин Чунь поднял глаза на Те Хэнцю, его взгляд остановился на сине-фиолетовых следах на его шее.

Лю Лю лишь сказал:

— В поединке всегда бывают травмы. Раз уж вы совершенствующиесь, такие царапины — пустяк.

Но Мин Чунь вдруг произнёс:

— Глава Лю говорит резонно.

Услышав это, Лю Лю улыбнулся ещё шире и, посмотрев на Те Хэнцю, бросил на него высокомерный взгляд, словно говоря: «Видишь, никто не заступится за такого грязного пса, как ты».

Те Хэнцю задохнулся от возмущения и не смог сдержаться:

— «Раскрытие бутонов зимней сливы — и только», это тоже резонно?

Лю Лю снова повторил:

— Я говорил о твоём исполнении, которое было жалкой пародией на оригинал.

Те Хэнцю хотел возразить, но Мин Чунь снова заговорил:

— Действительно, «Раскрытие бутонов зимней сливы» нужно исполнять иначе.

Сказав это, Мин Чунь вдруг схватил Те Хэнцю за руку.

— Учись.

Мин Чунь сжал запястье Те Хэнцю и опустил его руку с мечом.

Остриё меча коснулось земли, разбрызгивая грязь.

— Удар должен быть лёгким, как цветок зимней сливы...

Не договорив, он резко дёрнул Те Хэнцю за запястье, и приём «Раскрытие бутонов зимней сливы» внезапно изменился.

Те Хэнцю почувствовал, как рука Мин Чуня ведёт его, и лезвие меча описало странную дугу,

остриё указывало на Лю Лю.

Лицо Лю Лю резко напряглось, и он взмахнул рукавами, как облаками, и в тот же миг тысячи сухих листьев, словно дождь из стрел, устремились к ним.

Запястье Те Хэнцю было крепко сжато Мин Чунем, и его меч невольно следовал за его движениями.

Свет меча, подобно радуге, срубил все листья, и те, кружась, опустились на землю, словно безмолвный зимний снег.

Лю Лю снова взмахнул рукавами, и две белые ленты, как серебряные змеи, вылетели из его рукавов, описав в воздухе две резкие дуги.

Перед глазами Те Хэнцю всё побелело, ленты неслись на него с леденящей угрозой.

Мин Чунь слегка дёрнул запястьем, и рука Те Хэнцю опустилась, лезвие меча резко развернулось, и свет меча, как молния, ударил по лентам.

Тр-р-реск! — ленты порвались, и их обрывки, как опавшие листья, опустились на землю.

Те Хэнцю, увидев, что ленты порваны, вздохнул с облегчением, но тут же заметил холодную усмешку на губах Лю Лю.

Оставшаяся половина лент внезапно распалась на тысячи тонких нитей, которые, как ядовитые змеи, сверкая серебром, со всех сторон устремились к жизненно важным точкам Те Хэнцю.

Те Хэнцю почувствовал леденящий холод, его меч был опутан гибкими серебряными нитями и не мог сдвинуться с места, его атака была подавлена.

Он похолодел от ужаса, поняв, что Лю Лю обладает невероятно странной техникой: с виду мягкие и слабые белые ленты могли превращаться в такое смертоносное оружие.

Всепоглощающее давление, словно приливная волна, обрушилось на него, и Те Хэнцю вдруг понял, что до этого Лю Лю просто играл с ним, как с собакой, и не сражался всерьёз.

И только сейчас Лю Лю показал свою истинную силу.

Его уровень совершенствования был недостаточен, а духовная кость — слаба, и под этим натиском он пошатнулся и отступил.

Под сокрушительным давлением холодный пот пропитал его одежду, он поскользнулся и упал назад, прямо в объятия Мин Чуня.

Мин Чунь одной рукой всё ещё держал его за запястье, а другой — поддерживал за талию.

— Не позорь Юэ-цзуня.

Дыхание Мин Чуня коснулось уха Те Хэнцю, словно ветерок.

Этот пьянящий холодный аромат заставил Те Хэнцю почти потерять сознание, и в такой смертельной опасности он чувствовал себя, словно его овеял весенний бриз!

«Всё пропало, — подумал Те Хэнцю, — я действительно бесстыдный и развратный обжора. Я так жажду Юэ Бочжи, что если он узнает, то, наверное, снимет с меня кожу!»

Серебряные нити, как ливень, обрушились на них, сплетаясь в огромную сеть и окутывая взор Те Хэнцю ледяным серебряным сиянием.

Давление, подобное горе, сжимало воздух, заставляя Те Хэнцю задыхаться.

К счастью, его талию поддерживала чья-то рука.

Те Хэнцю обмяк в объятиях, пахнущих холодом, и позволил мужчине за его спиной управлять его рукой и его личным мечом.

Лезвие меча прошло, и серебряные нити распались.

— Сердце должно быть спокойным, тогда и меч будет твёрд, — тихо провибрировал у него за спиной мужской голос.

Те Хэнцю закрыл глаза и сглотнул.

Он чувствовал, как мышцы на предплечье спасителя напряглись, как стальные канаты, и повели его запястье по резкой дуге.

Свет меча, подобно радуге, рассёк серебряную завесу.

Под звон меча давление, сжимавшее его грудь, постепенно исчезло.

Давление Лю Лю постепенно ослабевало, а аура Мин Чуня, как шёлковая нить, окутывала его

сзади.

Пальцы Мин Чуня впились в его бок, а дыхание коснулось его шеи, вызывая дрожь.

Там, где их руки соприкасались, он почувствовал, как пальцы Мин Чуня легко постучали по рукояти меча.

— Понял?

Те Хэнцю был в тумане. «Понял? Что понял? Мастер, я понял, вы так хорошо пахнете. Я обязательно найду возможность вас поцеловать».

Те Хэнцю всё ещё был в тумане, но Мин Чунь уже быстро отпустил его.

Прохладный вечерний ветерок скользнул по его спине, и тепло тут же исчезло.

Он резко очнулся и, собравшись с мыслями, поднял глаза. Мин Чунь уже отошёл на несколько шагов, его взгляд был холоден, словно он не хотел больше на него смотреть.

Алая птица снова села на плечо Мин Чуня и клювом приводила в порядок свои взъерошенные и окровавленные перья.

Лю Лю, чья атака была отражена, пошатнулся и отступил на два шага. В его груди закипела боль, а гнев подступил к горлу, он стиснул зубы от злости.

Но Те Хэнцю, видя, как исказилось лицо Лю Лю, нашёл это забавным и намеренно подлил масла в огонь:

— Всегда слышал, что глава Лю рождён от божественного древа, его духовная кость необычайна, и он питается его духовной энергией, должен быть редчайшим талантом, а оказалось...

Вены на лбу Лю Лю вздулись, но он не нашёлся, что ответить.

Если бы его атаку отразил сам Юэ Бочжи, он бы смирился с поражением.

Но он не знал, что Те Хэнцю владеет такой тайной техникой, как «Искусство прививки сливы», и не догадывался, что Мин Чунь — это воплощение Юэ Бочжи.

Он считал, что сначала его заставил использовать свой личный артефакт грязный пёс, а затем его атаку отразил простой слуга. Его гордость была уязвлена, и он чуть не потерял рассудок от

гнева.

Но он помнил, что должен уважать Юэ Бочжи.

Он думал, что Те Хэнцю, судя по его одежде, — ученик-чернорабочий, которого можно унижать, но Мин Чунь с его манерами и искусством меча — совсем другое дело.

Он боялся, что Мин Чунь — личный ученик Юэ Бочжи, и в таком случае ему придётся смириться.

Лю Лю с трудом подавил гнев, выдавил из себя улыбку и, посмотрев на Мин Чуня, с долей подозрения спросил:

— Ваше искусство меча изящно, а удары — необычны, вы, должно быть, личный ученик Юэ-цзуня?

— Юэ-цзунь не берёт учеников, — равнодушно ответил Мин Чунь. — Я всего лишь его слуга, подметающий полы.

Услышав это, Лю Лю почувствовал, как тысячи мечей пронзили его сердце.

Те Хэнцю покачал головой, подливая масла в огонь:

— Братец Мин Чунь, не говори так. Если он узнает, что не может одолеть даже слугу, подметающего полы, и ученика, сажающего деревья, с Пика Ста Чжанов, он же от злости кровью харкать начнёт. Мы, совершенствующиеся, должны следовать закону причин и следствий, не дай бог он умрёт от злости, а нам грех на душу брать.

Услышав это, Лю Лю чуть не взорвался от гнева, но не мог ничего сделать и был вынужден проглотить это унижение. Его лицо потемнело так, что, казалось, с него вот-вот закапает вода.

Лю Лю подавил своё недовольство и равнодушно улыбнулся.

— Уровень совершенствования Юэ-цзуня высок и непостижим, обычному человеку до него далеко. Неожиданно, что даже его ученики-чернорабочие достигли такого мастерства, это я был невежествен.

Услышав, как Лю Лю сдался, Те Хэнцю был удивлён.

Возможно, потому, что он видел Лю Лю только высокомерным, он и не подозревал, что этот избалованный молодой господин может быть таким гибким.

Те Хэнцю оглядел Лю Лю и увидел, что тот быстро пришёл в себя и снова стал утончённым и изысканным. Это разозлило Те Хэнцю.

Он намеренно спровоцировал его:

— Достопочтенный глава, и так просто проиграл...

Лю Лю перебил его:

— Победы и поражения — обычное дело, зачем так заикливаться?

Увидев это, Те Хэнцю ещё больше разозлился, считая эту лицемерную маску Лю Лю отвратительной, и холодно усмехнулся:

— Глава Лю действительно великодушен. Если в будущем у нас будет возможность снова сразиться, глава Лю будет таким же «скромным», как сегодня?

Услышав это, Лю Лю сохранил на лице мягкую улыбку и равнодушно ответил:

— Брат Те шутит. Совершенствующиеся ценят душевное спокойствие, победы и поражения — это всего лишь мимолётное. А вот вы... кажется, слишком заиклены на победе, может, у вас есть какая-то навязчивая идея?

Лю Лю обернул всё против Те Хэнцю и попал в больное место!

Как и сказал Лю Лю, у Те Хэнцю действительно была навязчивая идея — победить его.

И то, что Лю Лю, после минутного замешательства, снова надел маску лицемера, заставило Те Хэнцю выглядеть проигравшим.

«Этот парень действительно непрост», — подумал Те Хэнцю.

Он уже собирался продолжить словесную перепалку, но тут тихо заговорил Мин Чунь, его голос был спокоен:

— Раз уж глава Лю признал поражение, поединок окончен.

Слова Мин Чуня были окончательными.

Услышав это, Те Хэнцю, хоть и был недоволен, был вынужден замолчать. «В конце концов, я

всё равно не могу одолеть Лю Лю, и сейчас я могу полагаться только на Юэ Бочжи. А Юэ Бочжи защищает меня, скорее всего, потому, что я притворяюсь милым и слабым. Если я сейчас продолжу спорить с Лю Лю и разрушу этот образ, то могу потерять даже то небольшое, что у меня есть».

Те Хэнцю опустил глаза и сказал:

— Да.

Лю Лю тоже вздохнул с облегчением и, холодно взглянув на Те Хэнцю, подумал: «Как и ожидалось, этот грязный пёс на Пике Ста Чжанов ничего не значит. Сегодня я его пощажу, а через пару дней найду возможность поймать его, надеть ошейник и поиграть с ним несколько дней».

Размышляя об этом, он улыбнулся и мягко сказал:

— Уже поздно...

Мин Чунь взглянул на рану на шее Те Хэнцю, провёл пальцем по ране Алой птицы и, повернувшись к Лю Лю, сказал:

— Твой поединок с Те Хэнцю окончен, но ты ранил Алую птицу. Как мы решим этот вопрос?

<http://bllate.org/book/16975/1589166>